либо общенациональный референдум. Но имеется и третий путь решения назревших конституционных проблем. В соответствии со статьей 135 Конституции Российской Федерации в некоторых случаях может быть созвано Конституционное Собрание, являющееся представительным органом и обладающее полномочиями учредительной власти. Конституционное Собрание созывается по решению Федерального Собрания Российской Федерации, и оно может даже разработать проект новой Конституции. Действующая Конституция РФ 1993 года, и это признается многими представителями науки конституционного права, представляет собой документ, в котором существует масса противоречий и нестыковок. В этой связи может быть следует подумать о разработке новой Конституции, которая придаст российской власти большую стройность, целостность и системность, обеспечив фундаментальную легитимность власти.

Литература

1. *Аничкин Е.С.* «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20-начале 21 вв.: Автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Тюмень, 2010.

2. *Жириновский В.В.* Куда двигаться России // Известия. 2012. 3 февраля.

3. *Савченко С.А.* Конституционный процесс реализации норм, закрепляющих основ конституционного строя России: Автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Тюмень, 2011.

4. *Авакьян С.А.* Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3.

5. Русские, как потерявшиеся пчелы // Аргументы недели. 2011. 27 октября.

6. Конституция Российской Федерации с комментариями для изучения и понимания. М., 2011.

7. *Зорькин В.Д.* Россия: движение к праву или хаосу? // Российская газета. 2012. 26 января.

УДК 347.963

Назаров С.Н.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируются полномочия прокуроров на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в XIX веке. Обосновывается актуальность использования опыта правового регулирования при современном реформировании прокурорского надзора.

The paper analyzes the power of prosecutors at the pretrial stage of criminal proceedings in the 19th century. The actuality of the experience of legal regulation in the present reform of Public Prosecutions.

Ключевые слова: *прокуратура, прокурорский надзор, органы предварительного расследования*

Key words: *prosecutor, public prosecutor's supervision, agencies of preliminary investigation.*

Прокурорский надзор за органами предварительного следствия характеризуется непоследовательностью правового регулирования. Преобразования, как известно, коснулись, прежде всего, места и роли прокурора в досудебном судопроизводстве, соотношения прокурорского надзора и процессуального руководства предварительным следствием. Изменились нормы, определяющие процессуальные полномочия прокурора, руководителя следственного органа и следователя, правила производства следственных и процессуальных действий, порядок возбуждения уголовного дела и др.

Концептуально тенденция изменений состоит в разделении прокурорского надзора и процессуального руководства расследованием путем дифференциации объема надзорных полномочий прокурора в зависимости от формы предварительного расследования.

Неоднозначность оценки научным сообществом изменений правового регулирования прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства актуализирует обращение к отечественному историческому опыту уголовно-процессуального реформирования в XIX веке

Реформирование российского уголовного судопроизводства в 1864 г. на состязательных началах его осуществления существенно изменили статус прокурора, обязанности которого состояли:

1) в обнаружении и преследовании всякого нарушения законного порядка и в требовании распоряжений к его восстановлению;

2) в предложении суду предварительных заключений по судебным делам, подчиненных особому их наблюдению уставами гражданского и уголовного судопроизводства;

3) в наблюдении за единообразным и точным применением закона; и

4) в представлении о пояснении и дополнении законов, если о том возникнут недоразумения или вопросы по судебному ведомству.

Соединение в лице прокурора столь важных обязанностей, для исполнения которых нужны не только основательное знание законов, но и особенная деятельность и добросовестность, указывает на необходимость:

1) назначать на эти места людей юридически образованных или доказавших свои познания по судебной части и вполне благонадежных;

2) иметь при каждом суде особого прокурора;

3) дать прокурору надлежащую степень власти по надзору за производством уголовных следствий и в особенности подчинить им непосредственно полицейские чины по предмету производимых последними дознаний о преступлениях и проступках.

Отсюда видно, отмечает И.Я. Фойницкий, что мы примкнули к французскому типу прокуратуры. Она – не только обвинительная сторона в уголовном процессе, как по англо-шотландскому праву, но вместе с тем контрольный орган правительственной власти, обязанный наблюдать за правильным применением закона судебными установлениями [1, с. 524-525].

Важно отметить, что деятельность дознания по УУС принципиально отличалась от ее современного аналога как формы предварительного расследования и больше соответствовала оперативно-розыскной деятельности.

УУС выделял три главные части «исследования преступления»: дознание, предварительное следствие и следствие окончательное (или судебное). Дознание состояло в первоначальных изысканиях, производимых полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении или таких происшествиях, о которых без розысканий нельзя определить, заключается или не заключается в них преступления (дознание происшествий).

Действия полиции ограничивались только производством «самых необходимых изысканий», после чего она «для выигрывания времени учиненное дознание передает непосредственно судебному следователю, но немедленно уведомляет об этом прокурора (ст. 255 УУС); полиция может задерживать подозреваемых в преступлениях только в случаях, законами определенными (ст. 257 УУС), и немедленно по задержании кого-либо должна уведомить о сем следователя и прокурора; по производству дознания полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокурора (ст. 279 УУС)» [2, с. 110–111].

Дознание, отмечал И.В. Фойницкий, вырабатывает только сведения и указания, которые не имеют судебного характера; вся роль его ограничивается изысканием данных для деятельности следователя, содействием ей, облегчением ее; оно не имеет дела с судебными формами и обрядами, не оценивает фактов, не постановляет никаких определений о них, не делает никаких решительных выводов и потому представляет деятельность не судебную [3, с. 357]. Согласно ст. 254 УУС, при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах.

Полиция не являлась органом предварительного следствия, была отделена от суда и подчинена прокуратуре [4]. Дознание предназначалось для раскрытия преступлений в связи с чем осуществляла собирание только первоначальных и необходимых сведений о преступлении, преимущественно негласными методами, после чего направляла материалы следователю для решения им вопроса о начале следствия.

Как видно, судебными уставами 1864 г. была введена такая форма досудебного судопроизводства, которая предлагается в настоящее время.

В связи с этим, по нашему мнению, актуальным является изучение имеющегося отечественного опыта такого реформирования в XIX в. и выявление возможности его использования в настоящее время.

Поскольку одним из самых спорных вопросов правового статуса прокуратуры при расследовании уголовных дел является пределы ее компетенции во взаимосвязи с осуществляемыми функциями, необходимо исследовать, как он был решен в XIX в. и выявить факторы, обусловившие правовое регулирование деятельности прокуратуры.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что УУС не именуют деятельность прокуратуры

по отношению к органам дознания надзором. Согласно ст. 36 УУС, по производству дознаний о преступлениях и проступках полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокурора и уведомляют его о всех дознаниях, переданных ими судебным следователям.

И.Я. Фойницкий называет прокуратуру «органом направления дознаний и деятельности полиции по производству их». Он отмечает, что прокуратура сама дознаний не производит и не уполномочена прибегать непосредственно к каким бы то ни было мерам, входящим в область его. Но по отношению к полиции, как общему органу дознания, на прокуратуре лежит функция направляющая, притом как по отдельным случаям, так и по целому роду дел; первая может быть названа непосредственным, вторая – общим направлением. Право направления непосредственного или ближайшего выражается:

а) в праве возлагать на полицию, в сомнительных случаях, собрание сведений посредством негласного разведывания (312 УУС); прокуратура может возлагать на полицию или производство дознания по делу, или выполнение отдельных разведочных действий; требование ее обязательны для полиции по всем публичным преступным деяниям, подведомственным как общим, так и местным установлениям;

б) в праве не только предлагать приступить к деятельности (как при наблюдении за предварительным следствием), но даже определять самый характер ее, выбирать из нескольких возможных подозрений какое-либо одно и требуя разъяснения его; притом требования эти при дознании имеют большую обязательность, чем при наблюдении за предварительным следствием(250, 253, 255, 261-1–11, 282, 284 УУС);

в) в обязанности полиции сообщать прокуратуре о всяком происшествии, заключающем признаки преступного деяния (250 УУС), и о результатах, произведенных ею дознаний (253, 255 УУС), кроме тех только случаев, которые для дальнейшего разбора направляются к местным судьям; прекращение дел, по коим производилось дознание, всегда подлежит контролю прокуратуры. В отличие от непосредственного направления дознаний, общее направление состоит в праве давать чинам полиции начальственные распоряжения об условиях, способах и порядке их деятельности путем предписаний, инструкций и циркуляров [3, с. 360].

Прокурор непосредственно руководил полицейским дознанием, задача которого состояла в раскрытии преступления посредством преимущественно оперативно-розыскной деятельности, после чего дело передавалось следователю. Однако сам прокурор полномочий по проведению дознания посредством личного участия в нем не имел.

Таким образом, взаимоотношения прокуратуры и органов дознания по УУС 1864 г. характеризуются следующими особенностями:

- общностью задач в деятельности органов дознания и прокуратуры по обнаружению преступлений с последующим преследованием прокурором виновных («власть обвинительная, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурорам» - ст. 4 УУС);

– осуществление прокуратурой непосредственного руководства дознанием («полицейские чины состоят в непосредственной зависимости от прокурора» - ст. 36 УУС);

– осуществление прокуратурой общего руководства дознанием путем дачи письменных указаний и предписаний;

– обязательностью требований прокурора для органа дознания.

Такое правовое регулирование компетенции прокурора по отношению к органам полицейского дознания, по нашему мнению, характеризует ее деятельность как надзорную, поскольку она осуществлялась в отношении организационно обособленных от прокуратуры органов – полиции; прокуроры сами не имели полномочий по производству дознания. Наличие же у прокуратуры полномочий по руководству дознанием, что, по мнению некоторых ученых не соответствует надзору, по нашему мнению, напротив, является необходимым элементом надзорной деятельности.

Воздействие на следствие (следователя) осуществляют и руководитель следственного органа, осуществляющий процессуальный контроль, и прокурор, осуществляющий процессуальный надзор, и суд, осуществляющий судебный контроль. Для ответа на вопрос, является ли деятельность каждого из перечисленных органов руководством расследованием, необходимо определить, что следует понимать под руководством расследованием?

Ведь даже суд, не осуществляющий уголовного преследования, функция которого состоит в разрешении дела и отделена от других уголовно-процессуальных функций, в случае возвращении им уголовного дела для производства дополнительного расследования, оказывает воздействие на ход расследования. Такое решение суда не принято

называть руководством расследованием. Однако аналогичное решение, принятое руководителем следственного органа, после изучения им уголовного дела, рассматривается как руководство следствием.

По нашему мнению, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и прокурор, и руководитель следственного органа, и суд при осуществлении судебного контроля, оказывают управляющее воздействие на следствие, форма и содержание которого у них различны.

Деятельность прокуроров по отношению к следствию, в отличие от дознания, УУС 1864 г. именуется надзором. Согласно ст. 47 УУС постоянный надзор за производством следствий принадлежит исключительно прокурору. Объем полномочия прокурора по отношению к следователю обусловливалось правовым положением следователя, которое не только закреплялось в процессуальном законодательстве, но и нашло свое отражение в организации судоустройства.

Так, организационной особенностью деятельности органа надзора и органа следствия являлось то обстоятельство, что прокуроры и судебные следователи организационно находились в одной судебной системе.

Прокуратура осуществляла функции надзора и обвинения и именовалась властью обвинительной, отделенной от власти судебной. В соответствии со ст. 4 УУС власть обвинительная, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурору. Согласно ст. 3 УУС власть обвинительная отделяется от судебной.

И.Я. Фойницкий отмечает, что наше законодательство сделало все для обеспечения независимости от суда прокуратуры. Последняя, будучи помещена в состав судебного ведомства, представляет отдельную от суда организацию; суд не имеет над членами прокуратуры права надзора, ни власти распорядительной, ни власти дисциплинарной. Суд не может давать прокуратуре предписаний. Он не может иметь права входить в оценку ее действий, ограничиваясь сообщением о неправильных и противозаконных поступках ее высшим чинам прокуратуры или представлением министру юстиции. Только в своей процессуальной деятельности, писал ученый, прокуратура, как сторона, стоит под контролем суда в лице обвинительной камеры и мест окончательного производства; но этот контроль ограничивается пределами данного дела и не оказывает никакого влияния на служебное положение прокуратуры. Наше законодательство в гораздо большей степени, чем французское, признает независимость суда от прокуратуры. Суд применяет закон, не стесняясь требованиями и заключениями прокуратуры. Однако, по мнению ученого, учреждение прокуратуры как органа закона при судебных местах и руководство высшим представителем прокурорской власти высшим органом судебной администрации не вполне обеспечивают независимость суда от прокурорской власти [1, с. 541–542].

Как видно, разграничение судебными уставами 1864 г. функций обвинения и разрешения дела не сопровождалось организационным обособлением реализующих их органов: прокуратуры – органа обвинительной власти и суда – органа судебной власти, которые организационно принадлежали судебной системе.

В отличие от отделенной от суда прокуратуры, должность судебного следователя, напротив, являлась судейской. Судебный следователь не был отнесен к власти обвинительной, представителем которой являлся прокурор. Анализ уголовно-правового регулирования по законодательству 1864 г. показывает, что судебный следователь рассматривался как должностное лицо судебной власти на досудебном уголовном судопроизводстве.

Так, по своему служебному положению «… он приравнивался к членам окружного суда» [3, с. 372]; вопросы, подлежащие разрешению судебным следователем – «кто и в чем виновен», – рассматривались как вопросы судебные [3, с. 360]. Комиссия по подготовке Уставов 1864 г. отклонила предложение о введении замещения заболевшего товарища прокурора судебным следователем, поскольку «… исполнение прокурорских обязанностей – органа надзора и процессуальной стороны – совершенно не соответствует судейскому характеру должности судебного следователя» [5, с. 396].

Жалобы на действия следователя, согласно ст. 493 УУС, подлежали принесению в окружной суд. В комментарии к этой статье указывается, что «так как следователи будут при судах и членами оных, то необходимо возложить наблюдение за производством следствий на сами суды. Сей надзор будет ближайшим и, так сказать, естественный, ибо по уставу все важнейшие по следствию сомнения и даже некоторые действия разрешаются следователю одним судом» [2, с. 181].

Судейский характер должности следователя, по нашему мнению, определял пределы прокурорского надзора за ним.

«Задача предварительного следствия, по мнению составителей судебных уставов 1864 г., состоит в приведении в известность обстоятельств, как уличающих подсудимого, так и оправдывающих его. Отсюда непосредственно вытекает, что с приведением в известность всех этих обстоятельств оканчивается задача предварительного следствия и дело должно быть препровождено по принадлежности» [6, с. 174].

Реализацией такого подхода являлось и то, что следователь не формулировал обвинения и не составлял обвинительного акта. Предварительное следствие заканчивалось объявлением об этом всем участвующим в деле лицам, после чего все производство по делу направлялось по принадлежности прокурору (ст. 477–478 УУС).

Обвинительный акт составлял прокурор, как представитель обвинительной власти, который он вместе с материалами дела представлял в суд для предварительного решения вопроса о дальнейшем производстве следствия и предании обвиняемого суду.

Принятое судом такое предварительное решение, «… в коем, по рассмотрении имеющих против кого-либо улик, подкрепляющих возведенное на него подозрение или и само обвинение, постановляется об основательности их и продолжении следствия над подвергшимся оному лицом, в системе обвинительной называется началом обвинения» [6, с. 183–184], т.е. обвинение начиналось не на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а на судебной – стадии предания обвиняемого суду.

Другими словами, деятельность по обнаружению преступлений и преследованию виновных, составляющая компетенцию обвинительной власти («Власть обвинительная, т.е. обнаружение преступлений и преследование виновных, принадлежит прокурору» – ст. 4 УУС), по концепции УУС не могла соответствовать должности судебного следователя, носящей судейский характер, поскольку «власть обвинительная отделяется от судебной» (ст. 3 УУС).

Такая двойственность правового статуса судебного следователя, которая на первый взгляд может показаться нелогичной, объясняется намерением составителей судебных уставов 1864 возложить производство предварительного следствия по уголовным делам на судебный орган в лице судебного следователя как представителя судебной власти, отделённой от власти обвинительной, в целях недопущения на досудебном судопроизводстве одностороннего – обвинительного, уклона, попыткой придать деятельности судебного следователя присущий суду характер беспристрастного исследования события преступления.

Современный следователь в российском уголовном процессе, справедливо отмечают В.С. Шадрин и Г.В. Овчинникова, – не следственный судья и даже не судебный следователь, действовавший в отечественном уголовном процессе, согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., почти до конце 1917 г. Существование института судебного следователя себя не оправдало, так как практика выявила и подтвердила его приверженность функции уголовного преследования, что спустя полвека после принятия Устава констатировали правоведы. В послереволюционный период следователь не только фактически, психологически и организационно, но и по своему процессуальному статусу занял положение представителя обвинительной власти или, иначе говоря, исполнителя функции уголовного преследования [7, с. 29].

И.Я. Фойницкий отмечал, что в лице судебного следователя сосредоточены функции как обвинителя, так и защитника. На него возложено приведение в известность как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств. Однако он, отмечает И.Я. Фойницкий, не дает ответа по существу на главный вопрос, по которому проводится следствие, т.е. на вопрос о виновности, которого он может касаться лишь косвенно, принимая те или иные меры предварительного следствия. Материалы следствия препровождаются в сыром виде к другим органам, которые его оценивают и делают из него выводы. Не зная понятия сторон в предварительном следствии, наш устав допускает в нем прокурора, но не в качестве стороны, а лишь в качестве двигателя процесса [3, с. 371].

Имея в виду эту ситуацию, Н.Н. Полянский писал: «Опыт, однако, показал, что там, где... законодателем сделана попытка установить грань между дознанием и предва¬рительным следствием по самому существу их задач, эта грань на деле неизбежно стирается и следователь превращается в по¬мощника прокурора» [8, с. 18].

С таким подходом нельзя согласиться. Основа формирования компетенции прокурора на предварительном следствии и его надзорных полномочий по отношению к судебному следователю обусловливалась намерением составителей судебных уставов 1864 г. придать следственной деятельности судейский характер. Реализацией этого стало и разгра-

ничение дознания, как несудебной деятельности и предварительного следствия, как деятельности судебной, предваряющей судебное следствие.

Такой подход вызывал необходимость в дополнении призванной быть «беспристрастной» деятельности судебного следователя инициативой надзорно-обвинительной власти, реализуемой прокурором – «двигателем процесса».

Однако на предварительном следствии прокуратура осуществляла не только обвинительную, но и надзорную функцию. Прокуратура, писал И.Я. Фойницкий, исключительно как орган закона выступает… при предварительном производстве по всем уголовным делам, производимым в публичном порядке, до открытия судебного по делу заседания [1, с. 537].

Такой подход разделял и Н.В. Муравьев, который при изложении полномочий прокурора «в период от возбуждения уголовного дела и до судебного его рассмотрения» отмечал, что они (полномочия) предоставлены ему «для полноты надзора за всем относящимся к производству следствий» [5, с. 376].

Именно эти обстоятельства и определяли компетенцию прокурора при осуществлении надзора на предварительном следствии.

Оценка достаточности полномочий у прокурора не была однозначной.

Уставом уголовного судопроизводства прокурор наделялся большими полномочия по отношению к судебному следователю, который не мог отказаться от исполнения требований прокурора, касающихся исследования обстоятельств дела и собирания доказательств (ст. 281–282 УУС); именно прокурор определял, произведено ли следствие с достаточной полнотой, и мог обратить его к доследованию (ст. 512 УУС), прокурор составлял обвинительный акт (ст. 519 УУС); по предложению прокурора следователь мог быть переведен из одного участка в другой (ст. 227 Учреждения судебных установлений).

Однако, по мнению А.В.Смирнова, этих полномочий было недостаточно. В русском процессе, отмечает ученый, прокурорская власть была менее активна, чем по французскому Кодексу 1808 г. – все меры, необходимые для производства следствия, мог принимать только судебный следователь (ст. 264, 266 УУС). Прокурор не имел права вмешиваться в проведение следственных действий, мог лишь присутствовать при этом и знакомиться на месте с материалами дела (ст. 280 УУС). На практике роль прокурора была еще менее активной – обычно она ограничивалась «одной лишь внешней стороной, то есть понуканием следователя и исправлением формальных упущений с его стороны», и почти не касалась «сути дела, содержания исследуемой области и границ ее». Это оставляло следователю больше самостоятельности, но, с другой стороны, мешало налаживанию взаимодействия с полицией как органом дознания, которая состояла в «непосредственной зависимости от прокуратуры» (ст. 279 УУС) и никогда не была полицией судебной. Последнее обстоятельство являлось, пожалуй, одним из основных недостатков организации русского предварительного расследования по Уставу 1864 г. Российский судебный следователь не был связан контролем со стороны такого органа, как следственная совещательная камера, которого Устав не знал [9, с. 201–202].

Как видно, вопрос об объеме полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства являлся актуальным не только в XXI, но и в XIX в. Его решение состоит в ответе на вопрос, какие полномочия соответствуют надзорной функции прокуратуры, а какие нет. Именно такую функцию прокурор, как орган закона, выполнял в российском состязательном уголовном процессе по реформе 1864 г.

Сравнительно-правовой анализ правового регулирования надзорных полномочий прокурора по законодательству XIX и XXI веков свидетельствует, что, в отличие от действующего законодательства, УУС не дифференцировал надзорные полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства в зависимости от степени тяжести расследуемых уголовных дел.

В настоящее время полномочия прокурора за расследованием уголовных дел небольшой и средней тяжести, осуществляемым в форме дознания, шире, чем при надзоре за расследованием тяжких и особо тяжких преступления в форме предварительного следствия.

Надзорные полномочия прокурора за судебным следователем – представителем судебной власти – были шире, чем современные полномочия прокурора по надзору за следователем – представителем обвинительной власти.

Таким образом, при дальнейшем совершенствовании правового регулирования прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства следует использовать положительный отечественный опыт судебной реформы 1864 г.

Литература

1. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 1.
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866
3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910 Т. 2.
4. По мнению *А.В. Смирнова*, подчинение полиции прокуратуре мешало судебным следователям налаживанию взаимодействия с полицией как органом дознания, которая состояла в «непосредственной зависимости от прокуратуры» (ст. 279 УУС) и никогда не была полицией судебной. Последнее обстоятельство являлось, по мнению ученого, одним из основных недостатков организации русского предварительного расследования по Уставу 1864 г. *Смирнов А.В*. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 201-202.
5. *Муравьев Н.В*. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1889.
6. Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1866.
7. *Шадрин В.С., Овчинникова Г.В.* Актуальные проблемы создания нового УПК и роль прокурора в уголовном процессе // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. СПб.,2000.
8. *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. СПб., 2001.

УДК 342.9 : 35.08

Тимошенко И. В.,
Завгородняя Л.В.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ И КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ ИХ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья представляет собой обзор научных взглядов на содержание понятия правового статуса личности, статуса государственного служащего, а также анализ нормативных проявлений антикоррупционной направленности этого статуса и основных причин, порождающих правонарушения коррупционной направленности в системе государственной службы.

The article is a survey of scientific achievements to the contents of the terms of individual's legal status, status of public official and analysis of the normative manifestations of this status which have anticorruption directivity, and also main causes of corruption offenses in the direction of the public service.

Ключевые слова: *статус, правовой статус, государственная служба, государственный служащий, коррупция, коррупционный риск, служебное поведение.*

Key words: *status, legal status, public service, public official, corruption, corruption risks, service behavior.*

Понятие «статус» достаточно часто встречается и широко используется как в научной юридической литературе, так и в современном российском законодательстве.

С точки зрения этимологии слово «статус» (от лат. status) означает состояние, положение, правовое положение [1, с. 680], которое определяется совокупностью прав и обязанностей лица, государственного органа, общественной организации, учреждения и т.п. [2, с. 792].

Статус личности чаще всего обозначается либо термином «социальный статус», определяющим положение (место и роль) человека (субъекта) в обществе, либо термином «правовой статус» как, по сути, разновидностью социального статуса личности.

В отечественной юридической литературе нет единого устоявшегося подхода к определению понятия «правовой статус» личности, однако, так или иначе, но в него включаются следующие элементы: принадлежность к гражданству, правоспособность, права, обязанности, юридическая ответственность и ряд других.

Одни ученые определяют правовой статус гражданина как представление об объеме и содержании тех прав и обязанностей, которые предоставляются гражданину государством и закрепляются за ним законом [3, с. 179]. Другие ученые считают, что под правовым статусом личности (понятие более широкое, нежели гражданин) следует понимать совокупность прав и свобод, обязанностей и ответ-